

A low-angle, upward-looking photograph of several modern high-rise buildings. The central building is the most prominent, featuring a mix of light-colored panels and glass windows. To its left and right are other tall structures with curved, ribbed facades. The sky is a deep blue with scattered white and grey clouds. Bare tree branches are visible in the upper left corner.

Владимир Немцев

*Месть
рассказов*

Владимир Немцев

Шесть рассказов

«Издательские решения»

Немцев В. И.

Шесть рассказов / В. И. Немцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749409-4

Шесть рассказов о наших современниках в основном обращены к молодёжи. Книга кажется простой, но не всегда просты люди или их образы. Понять их — не значит принять, принять — не значит понять...

ISBN 978-5-44-749409-4

© Немцев В. И.
© Издательские решения

Содержание

Весёлая Москва	6
Ожидание	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Шесть рассказов

Владимир Иванович Немцев

© Владимир Иванович Немцев, 2016

© Владимир Иванович Немцев, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4474-9409-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весёлая Москва



Москву я помню с детства. Лет с трёх, когда мы каждый год летом останавливались здесь для пересадки с вокзала на вокзал и с поезда на поезд. И редко получалось так, что можно было закомпостировать билеты в один день.

Первое воспоминание приходится на 1954 год. Мы сидим за выносными столиками ресторана «Метрополь» под полосатыми цветными тентами. Я пью лимонад из тяжёлого скользкого стакана, который непослушно выпрыгивает и разбивается под ногами. Ко мне кидается официант в белом костюме, и я от испуга начинаю орать и плакать. Все вокруг оборачиваются и улыбаются. Мама потом уточняла: смеялись иностранцы, а несколько наших кидали суровые взгляды на молодого бестолкового официанта и застывшего за ним памятник с выпяченной грудью главного распорядителя. Дело в том, что в послевоенном Советском Союзе маленьких детей все любили, как никогда потом, и в любых случаях безоговорочно принимали сторону малышей. Иностранцы же смеялись не иронично и не над нами: мой отец сидел в офицерском мундире, который тогда воспринимался либо уважительно, либо боязливо, а мама встревожено укачивала сестрёнку, лежавшую в пышном свёртке с оборочками и бантиками, порываясь одновременно каким-то образом успокоить и меня.

Отец недавно вернулся из Германии, где служил командиром взвода в Штендале, а взводный тогда там получал оклад почти как командир полка в Союзе, и сохранил привычку посещать дорогие рестораны, и особенно в Москве.

Когда я стал школьником, то мне разрешалось одному сходить на работу к Клавдии Серафимовне на станцию метро «Проспект Мира». Если мы по приезду заставали её на работе, то получали от неё ключ от коммунальной квартиры, куда и несли вещи, а если напарница сообщала, что Клавдия Серафимовна придёт во вторую смену, то направлялись прямо в Банный переулок, где и происходила радостная и сердечная встреча.

Клавдия Серафимовна прежде долгое время работала в будке горсправки напротив Казанского вокзала, и обычно замечала нас издали. Она немедленно закрывала окошко и выходила встречать. Очередь грустно наблюдала, как Клавдия Серафимовна, вытерев губы, вкусно расцеловывала наше семейство, начиная с детей и заканчивая с особой почтительностью отцом, который, поставив на асфальт два огромных фибровых немецких чемодана, расправлял сжатые мундиром плечи и туго стянутую стоячим целлофановым подворотничком шею, чтобы тут же немедленно попасть в плен к Клавдии Серафимовне. Та начинала делиться со мной и сестрёнкой своими любимыми карамельками, говорила, какая наша мама красивая и молодая, какой папа «героически статный». И если кто из очереди пытался напомнить о «коротких справочках», Клавдия Серафимовна задорно спрашивала, неужели она бросит «своих миленьких» на вокзале ради информации о номере автобуса или месте проживания «чужой гражданки»?

Клавдия Серафимовна в этот момент оптом рассчитывалась со всеми прошлыми жалобщиками по поводу своей персоны, да и заодно давала себе яркую передышку от монотонной работы. Её в Мосгорсправке очень ценили за память и хорошо подвешенный язык. Да и работать там мог далеко не каждый – попробуй повороши засаленные справочники или пробейся к конторскому телефонному оператору для получения информации о проживании гражданина Крекало, или Пиндьяйкина, если точное написание его фамилии заказчик не знал, или путал отчество с именем, или затруднялся с годом рождения, а то и вообще пытался выяснить то, что смутно помнил с какого-нибудь 1928 года. Клавдия Серафимовна же в этом случае бросала точный наводящий вопрос, а то и устраивала отъём показаний, и в результате незадачливый гость столицы получал за пять кровных копеек адресок, а за дополнительные три ещё и описание маршрута проезда к своему дальнему родственнику или бывшему односельчанину. Если клиент затруднялся, как благодарить добрую женщину, да при этом оказывался расторопным по грамоте, Клавдия Серафимовна рекомендовала написать благодарственное письмо начальству, что охотно и делалось.

Так что на любую жалобу она могла представить ворох письменных благодарностей, что особо ценилось. Да и жалоб могло не быть, если б не неуёмная общительность нашей Клавдии Серафимовны, любившей вносить ясность в любой вопрос. Так, однажды зимой в окошко всунулось накрашенное было, а потом заплаканное, лицо приезжей дамочки. Клиентка умоляла пособить, сетуя на отказ половины справочных Москвы в предоставлении адреса её бывшего законного мужа. После немедленного допроса и изучения мятой и мокрой газетной вырезки с фотографией каких-то мужчин в галстуках выяснилось, что дама оставила, вернее, выгнала из дома своего пьющего мужа, который теперь, согласно газете, оказался в Москве известным изобретателем, получившим к тому же Государственную премию («то-то мы обрадовались с детишками»). Клавдия Серафимовна легко «вошла в положение», позвонила, пошелестела страницами справочников, которыми вообще-то редко пользовалась, и написала на бланке не только подробный адрес, но даже телефон.

Дамочка сомлела от счастья и охотно предала бумаге бурные выражения благодарности, на что Клавдия Серафимовна по московской посадской привычке иногда говорить предельно откровенно, назвала даму одним чистосердечным, но экспрессивным, словом. И та тут же сменила милость на гнев. Через несколько дней это аукнулось. Клавдию Серафимовну вызвали в Мосгорправку для объяснения специально созданной комиссии своего поведения с гражданами на работе. Её ознакомили с многословной жалобой на «некоторых москвичей» обидчивой дамочки самому Никите Сергеевичу Хрущёву.

И тогда Клавдия Серафимовна, не дослушав по-партийному красноречивых и логически правильных внушений, приосанившись, выложила благодарственное письмо. Комиссия несказанно изумилась и долго изучала подписи и почерки, потом звонила куда-то, потом сквозь зубы пожелала «ошибочно провинившейся» успехов в работе и личной жизни.

Клавдия Серафимовна, пия вместе с нами в своей комнате чай с карамельками, рассказывала эту историю со всей красочностью да с подхехекиванием и смешными мелочными подробностями, среди которых была та, что комиссия на прощание обозвала дамочку, выгнавшую из дома от детей ныне облаканного властью изобретателя, выражением, весьма похожим на то, которым наградила её ранее и сама Клавдия Серафимовна.

– Эх, миленькие вы мои, какая у меня личная жизнь! Хорошо хоть, моих мальчишек на ноги поставила. Да Петеньку никак забыть не могу, – довершила она своё повествование.

Клавдия Серафимовна была вдовой маминого дяди, Петра Витальевича, который перебрался с Волги в Москву ещё в нэповские времена, но так здесь и не преуспел по причине злого купеческого, да ещё к тому же старообрядческого, происхождения. Учиться ему категорически не разрешали, несмотря на то, что он, в отличие от своих товарищей, закончил гимназию, да с похвальным листом. Один непреклонный гражданин из кадровиков порекомендовал отнести этот лист в отхожее место. Он сначала вообще заподозрил, что Пётр Витальевич уже имеет высшее образование, но потом обратил особо серьёзное внимание на то, что наверху листа красуется грозная птица с двумя головами. Мамин дядя, который тогда не был ещё дядей, а просто сообразительным молодым человеком, этот бесплатный совет усвоил, и царский герб больше никому не показывал. Но поскольку, как говорит народная мудрость и большевики, «волк всегда в лес смотрит», будущий дядя присмотрел себе красавицу жену тоже из купеческого сословия, и тоже, на беду, с некоторым образованием. При этом он опасно шутил: «Не хочу учиться, а хочу жениться», – что вполне могло кончиться убедительным обвинением в антисоветской агитации и пропаганде. Но пронесло. Петр Витальевич прожил недолго, он внезапно умер в 1940 году своей смертью; для окружающих его уход, впрочем, не был большой неожиданностью.

Клавдия Серафимовна в действительности окончила женскую прогимназию, что совсем не было причиной её горестей, потому что знал про это узкий круг лиц. Тем не менее, её несколько не огорчало, что она лишена возможности возглавить какой-нибудь магазин, жилконтору, портновское ателье или столовую. Во-первых, ей неудобно было всех обманывать или что-нибудь скрывать, во-вторых, не хотелось навязываться, несмотря на бойкость характера, в-третьих, не нравились новые люди начальственного звания, ей казалось, она с ними пропадёт.

Придя в круглую, высокую, выкрашенную в зелёный цвет, деревянную с острой крышей будку-стакан горсправки на тротуаре у гудящей, галдящей станции метро «Проспект Мира», я непосредственно вторгся в будни московской жизни. Народу здесь было поменьше, чем на Казанском вокзале, но небольшая очередь скапливалась, да с моей помощью.

– Ой, родной ты мой, как ты меня нашёл? Хорошо поспал, миленький? Ну усаживайся, учись. Не надоело ещё учиться? Вот самый толстый справочник. А вот телефон.

– А ещё что? – деловито уточнял я.

– Вот! – указуяще хлопала Клавдия Серафимовна себя по лбу. – Самое главное. В любой работе самое главное... Чего-чего? Ну подожди! Ты что, ваша милость, не видишь, у меня ученик появился.

Она захлопывала окошко и любовно изучала меня. Расспрашивала о школе, где мы изучали молдавский язык, и какие города мы проехали на поезде, и сколько раз я дрался, и что мне такого нравится в Москве. И совала карамельку в замасленном красном фантике с расплывшимся неясным рисунком. Потом доставала носовой платок из рукава вытертого пальто с замётанными ниткой частыми стежками краями, протирала очки, а её высокий чистый лоб нависал над моим лицом, и я почему-то начинал жалеть эту огромную, шумную, хлопотливую, смеющуюся тётю, и говорил, что я скучал по ней и по Москве, что, когда вырасту, то буду каждый месяц приезжать к ней в гости. Она бурно смеялась, хлопая руками по коленям, потом целовала в лоб.

– Спасибо, миленький! Буду ждать. Небось, гулять теперь пойдёте?

– Да. Все встречаемся здесь.

Тут я увидел идущих родителей, и вырвался из будки под одобрительное балагурство Клавдии Серафимовны.

– Вижу, соскучился по Москве-то, поживите пока у меня, не обижу... – кричала она вдогонку, упирая на звук «а», что получалось: «па Ма-аскве-та-аа...».

Последний раз я приехал в Москву поступать в аспирантуру. Город строился. И в переулке появились новые светло-кирпичные дома с огромными окнами. Тут же на тротуаре я увидел бредущую Клавдию Серафимовну. Окликнул её, и она живо обернулась, обрадовано узнала. Одобрительно оглядела меня, похвалила за намерение учиться, «никто из наших так далеко не шагнул», и передала мне лёгонькую сумочку.

– Ну, понеси, милок, помоги старухе. В аптеке вот побывала, да колбаски прихватила.

– А я тоже хотел зайти в магазинчик по дороге.

– А и зайди. Вот как раз прямо. Только конфет не покупай мне, тем более шоколаду. Страсть как мне вредно. Купи сухого красного вина, и всё, достаточно.

Она задержалась поболтать с какой-то знакомой, а я ринулся в магазин. Вся провинция любила московские магазины, находя там то, чего в жизни могла не увидеть. Конечно, там стояла неременная очередь, как правило, в немалой степени из приезжих. Я подождал, когда за мной заняли, и пошёл к кассе.

По возвращении застал удлиннение очереди покупателей, среди которых пялился на меня небрежно одетый мужик. То ли он обознался, то ли просто невзлюбил – мало ли какие странности бывают у пожилых людей.

– Какого хрена ты лезешь поперёк меня? – для затравки полюбопытствовал он. Я на него мельком глянул и отвернулся. Женщины с готовностью пояснили, что молодой человек в кассу ходил. А мужик не слушал. – Прёт как козёл на капусту, видали мы таких. А ну вали отсюда! Сделаю вид, что не видел. А ещё попадёшься на глаза, так наkostenю.

Судя по всему, он принял меня за москвича, но мне было не важно это, потому что никак не входило в мои планы влипнуть в какую-нибудь историю накануне вступительных аспирантских экзаменов. Но, видно, судьба от истории меня не освобождала. И стыдили бабки-защитницы этого мужика, и увещевали, а он распалялся.

Тут я услышал голос Клавдии Серафимовны:

– Ты чего, старый хлыщ, на моего внучка насакиваешь? Знаю я таких таксистов, которые дурку гонят не по делу. У тебя что, дочка гулящая, или сынок такой же балбес, как ты, что прицепился к мальчику? А ну сам отсюда сваливай, поганый мужчина! Или чихну так, что тебя вообще никто больше не увидит. Пшёл вон, пень загаженный!

Магазин затих. И в той тишине мужик неторопливо, но ощеряясь, побрёл к выходу. Клавдия Серафимовна невозмутимо помогла мне уложить покупки и мы пошли во двор под несколько удивлённо-опасливыми взглядами.

– Вот хмырь-то! Чего он к тебе прицепился?

– Понятия не имею. Он в вашем доме живёт?

– В моём доме я всех знаю. А он не знаю и знать не хочу, где живёт, может, на вокзале, может, под забором. Первый раз вижу.

– А вы его таксистом определили. Про детей сказали, он даже не стал возражать...

– Поговору узнала. Похоже, и посидел немного. А что дети непутёвые, так это наверняка. Много я кого повидала, милок, на зубок определяю, и с каждым говорить умею. И не спрашивай. А пристал он к тебе скорей потому, что уж больно щегольски ты выглядишь: рубашечка красная, галстучек красивый, ботиночки чищенные. Франт!

– Неужели завистник?

– Да не-ет, другое. Такие щёголи, как ты, в наш магазин не ходят, у них свои магазины есть. И таксисты красавчиков не любят, понял? Те им мало чаевых дают, а ожидания большие внушают. Вот ты бы сколько дал?

– Да я на такси не езжу.

– Вот и я говорю. Не соответствуешь своим претензиям. Не обижайся, миленький, ты сам с возрастом это поймёшь. Только лучше, когда кто-нибудь ещё объяснит, одного опыта пока мало. По телевизору ведь смотришь членов политбюро? Они как выглядят? Да словно серые мышки! Потому что они говорят: мы за пролетариат! А ты за кого?

– Я – за богему, – засмеялся я.

– Вот я и гляжу, как ферт французский смотришься. Только живёшь не как француз.

– А вы знаете, как французы выглядят?

– Чего же не знать? Я кино смотрю, французские фильмы нравятся. Только итальянское кино неореализма больше нравится, оно честнее, и нам ближе.

Я покосился на старенькое штопаное пальто Клавдии Серафимовны. Меня всё это ошеломило – таксист, неореализм... Клавдия Серафимовна неожиданно предстала с новой стороны.

Была она и раньше грубовата, но это нисколько не обижало. Сейчас я с обретением жизненного опыта могу объяснить, почему. Есть ведь грубость и есть хамство, в основе того и другого находится одна грубость. Но хамство я не склонен прощать, потому что хам с помощью грубого общения самоутверждается. А органично грубого человека стоит простить: это может быть его стилем поведения, может быть следствием воспитания среды, а может быть и просто отсутствием воспитания – наши школы ведь этим специально не занимаются. Скорей примитивная московская грубоватость Клавдии Серафимовны была приобретённым свойством на протяжении её долгой жизни, а защитной чертой характера. Но это и не суть важно: Клавдия Серафимовна ведь зла другим не несла.

Вскоре я окунулся в новый для меня мир, вырваться из которого не удавалось. А потом представился случай позвонить из общежития двоюродному дядьке, сыну Клавдии Серафимовны, и с удовольствием услышал его голос, интонацией и говором напоминающий мать.

– Болела мамочка долго, в больницу её положили. Она и про тебя вспоминала, и про мамку с батькой твоих, про всех. А недавно похоронил я её. В Московской области она лежит, под ольхой. Приезжаю иногда, птички там чирикают, хорошо ей...

Спустя время, прожитое в столице, я вдруг понял, что город потускнел в моих глазах, он стал не совсем тем местом на земле, куда я с детства стремился.

Ожидание



Помню я, с каким страхом открыла дверь. На крыльце я увидела Гошу. И ведь самая середина ночи...

До чего ж он худенький был в своей шинелишке. Да замерз ведь, бедный солдатик, белый ремень съехал набок, одни глаза тепленькими смотрелись. Я ему говорю: Светка у Валечки Постновой осталась ночевать, нет её. Знала б, не отпустила. Он говорит: «Можно, тетя Люся, у вас остановлюсь?» Да мне жалко, что ли. Проходи вот. Вошел, казенное скинул, помылся и провалился в раскладушке.

С утра сидим, ждем Светку. Она ж, негодяйка, в два часа явилась. Фырк, фырк, здравствуйте, давайте обедать, что ли. Чего ж ты, доча, говорю, тебя с ночи ждут, а ты прохлаждаешься. Музыку, говорит, слушали, журналы мод смотрели...

Он всё молчит, правда, шубку у неё принял, шлепанцы ей поднес. Он такой вот, отмалчивается, глазами чёрными зыркает, улыбнется иногда, – но подвижный, худенький, не больно-то углядишь за ним.

Так он помалкивал по обыкновению, а потом говорит:

- Света, сходим в кино? В театр мы не успеем, мне вечером уезжать надо обязательно.
- А я все фильмы смотрела...
- Какой больше понравился?
- «Солярис», – она ему с улыбочкой.
- А, это где две серии?.. Ну пошли.

С поездом у него туго, я ведь вижу. Ну вот, пошли, забежали, правда, к нему домой, он перед дедом повинился, что самовольно, значит, уехал из училища. На попутных добирался...

В общем, на какой-то другой фильм ходили, проводил он Светку до наших дверей – и на вокзал.

Дед, конечно, отругал его очень. А вот так если б в войну было, а вдруг «тревогу» сделают, а если я вдруг позвоню, чтоб выручить тебя, да меня слушать не станут, ух ты, самовольщик проклятый, командир такой-сякой будущий... Но деда, конечно, послушали, по старой памяти.

Мне что, мне Гоша нравился. Только вот у Светки мальчиков много знакомых было, и во всех она влюблялась.

Вот какая девка. Танцульки на уме, тряпки-шляпки... штук десять французских духов держала, – на какие папочка ее родной, да забытый, расщедрился, а какие мальчики дарили, я же ей «Мистерию роше» поднесла только, когда она школу закончила... Была тогда двадцать с лишним лет назад, убийственная мода, на духи, на книжки, на песенки с танцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.